

ВЛАДИМИР ШАЯХМЕТОВ

ОСТРОВ ЖЕЛАНИЙ

Владимир Шаяхметов

Остров Желаний

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43721247

Остров желаний / Владимир Шаяхметов: СУПЕР Издательство;

Москва; 2019

ISBN 978-5-9965-0340-7

Аннотация

Двое сорокалетних друзей юности случайно оказались в Тихом океане на маленькой лодке. Три недели они боролись за жизнь среди штормов без запаса пищи и воды. Их вынесло к необитаемому острову, на котором прожили год. В пещере острова они обнаружили несметные сокровища. Там же повстречали пиратов, хозяев найденных богатств.

Книга публикуется в авторской орфографии и пунктуации

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	57
Глава 9	63
Глава 10	69
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Шаяхметов

Остров желаний

Глава 1

Голос прошлого

Расхаживая по тесной кухоньке своей старенькой «хрущёвки», Юрий заканчивал уже, наверное, одиннадцатый круг, когда остановился у окна и, глядя на унылый апрельский пейзаж неухоженного дворика, вероятно, уже не первый раз повторял, бормоча себе под нос: «... Так что приезжай... приезжай». Он небрежно и торопливо снова взял со стола оклеенный иностранными марками конверт, ещё раз прочёл в графе отправителя «Saint-Barbara», грубо бросил его на стол, но тот не удержался на краю и тихо спланировал на пол. Не обратив на упавшую бумажку никакого внимания, Юрий повернулся спиной к окну и принялся снова перечитывать ставший уже изрядно помятым в его руках листок бумаги:

«Здравствуй, Юрка. Что же ты не пишешь мне? Третье письмо уже шлю. Как ты там, жив ли? Полжизни прошло, как мы не виделись с тобой. Ты бы знал, как я скучаю по тебе, по дворику нашему и всему, что связано с ушедшей юностью.

Иногда так хочется приехать домой, снова собраться с друзьями на нашей скамейке, сбавать что-нибудь на гитаре вечерком под милый гортанный аккомпанемент разгневанных соседей, сбегать на танцы. Помнишь, как мы с тобой давали там жару, и откуда было столько дышалки? А помнишь, как мы закрывались в вашей кладовке и печатали фотки? Юрка, так хочется встретиться с тобой. Ведь не виделись уже сто лет! К сожалению, приехать я не могу, но зато ты можешь ко мне. Я составлю тебе приглашение, ты получишь гостевую визу и айда ко мне в отпуск. Отдохнём, развеемся, вспомним наши годы молодые и, увы, безвозвратные. Помянем пацанов – Азата Ахунова, Игорька Пстыгу, Женьку Комова. Я ведь даже могил их не видел. Может, увижу ещё. Ты то как? Работаешь где? Живёшь как, родители твои, семья, дети? Ты пиши мне, пиши всё. У меня всё путём. Жена, две дочери уже взрослые, двухэтажный дом, прекрасная работа, платят хорошо. Всё есть, нету только дворика нашего, тебя нету, пацанов, а гитара вот есть, лодка добрая, палатка, так что приезжай, порыбачим. Только ты обязательно приезжай, я серьёзно. Трудно у вас сейчас там, знаю, так я все расходы с поездкой беру на себя. Юрок, не откладывай. Жду тебя, друг мой. Пиши, адрес на конверте. А ещё лучше, позвони сначала».

Юрий устало опустил руку с письмом. Тяжёлые воспоминания более чем двадцатилетней давности роем кружились в его воспалённом мозгу. Ведь, кажется, совсем недавно со-

бирались вечером на скамейке во дворе, которую специально из парка притащили для вечерних посиделок и под Андрюхину гитару орали «В краю магнолий», распугивая прохожих. Потом – Афган, тот проклятый Кандагар, Игорёк и Азат – одной гранатой. Азат волочил изувеченного взрывом Игоря, так и нашли их потом вместе. Женькина фляжка – подарок на память, его разодранная в клочья спина, его последний вдох. А вот Андрюху Васнецова не нашли. Потом – «Чёрная вдова», цинковые гробы, посмертные ордена «Красной Звезды», слёзы матерей, гвоздики, салют над памятником.

Как бы, отбрасывая пелену с глаз, Юрий тряхнул головой, открыл полупустой холодильник, достал начатую бутылку, тяжело опустился на табуретку, вылил остатки водки в гранёный стакан, выпил залпом. Закусил чем-то с давно не убранного стола, и душа его, истерзанная одиночеством, чувством не нужности никому, безысходностью и неустроенностью разрешилась крупными слезами, с болью и рыданием вырывающимися прямо из груди, из сердца.

Следующий день выдался не по-весеннему мрачным. С утра зарядил мелкий дождь со снегом, тяжёлые свинцовые тучи безмолвно плыли над землёй, поглощая своим тёмно-серым брюхом верхушки многоэтажек. Кажется, что вот ещё немного, и вся эта небесная хлябь рухнет под своей тяжестью на уже почти полностью размытые и разбитые дороги, промокшие насквозь дома и несчастных, утомлённых

долгой зимой и холодной грязной весной прохожих.

Те, осторожно обходя и перепрыгивая лужи и ручьи, стремились поскорее вернуться в тёплые, сухие жилища, порой проваливаясь в грязно-снежную кашу по щиколотку, при этом чертыхались и проклинали всё вокруг.

Юрий с минуту наблюдал за непогодой сквозь мокрое стекло знакомой нам уже кухни, медленно, словно обдумывая что-то, покрутил в пальцах сигарету, щёлкнул подаренной ещё ротным трофейной бензиновой зажигалкой и затянулся, обволакивая себя густыми клубами табачного дыма. Он сел за стол, заваленный невымытой посудой и усеянный сухими крошками, придвинул поближе к себе пепельницу, но, сделав пару затяжек, торопливо затушил в ней сигарету, нервно вдавливая её почти до фильтра.

Решительно встал. Вышел в прихожую, быстро накинул на себя куртку, визгнул молниями ботинок, смял в руке старенькую фуражку и быстро вышел из квартиры.

Он спешил не на работу. Там его никто не ждал. Да и не было у него никакой работы. Так, шабашки от случая к случаю. И вообще он ни куда не спешил. Куда можно сбежать от памяти, от прошлого, от себя? Так, не замечая ни дождя, ни луж, не разбирая дороги, он очутился на автобусной остановке. «Господи, что я делаю? Зачем я здесь?» – Юрий огляделся.

Дождь кончился но, видимо, совсем недавно. Он стоял в своём насквозь мокрым джинсовом костюме, по его волосам

и лицу стекали капли воды, а рука всё ещё сжимала несчастную фуражку. А вокруг стояли люди и, ёжась от холода, прятались от непогоды под свои зонтики. Чёрно-серо-коричневая масса смотрящих в одну сторону, утомлённых бесконечным ожиданием, озябших и промокших людей иногда оживлялась с появлением из-за поворота очередного автобуса.

Небольшая часть этой толпы суетливо, мелкими притоптываниями продвигалась поближе к проезжей части, сжимаясь в тесную группу, которая, повинувшись общему стремлению людей, совершала уже строго определённые движения, нацеливаясь на ещё закрытые двери уже притормаживающего автобуса. Другая, большая численностью часть людей, коротко взглянув с легкой завистью на ту группу, уже ставшую маленьким коллективом, поёживаясь от всепроникающей сырости, нетерпеливо переводила свои взгляды на тот вожделенный поворот.

Автобус, прекрасно понимающий, что его ожидает, жалобно пискнув тормозами, медленно открыл двери. Подобные, случающиеся каждое утро штурмы несут свои отпечатки не только пассажирам в виде оторванных пуговиц и сумочных ручек, сломанных очков и истоптанной обуви, помятой одежды и пропавших кошельков, но и автобусы от них страдают ничуть не меньше, хотя первых это не интересует ни в малейшей степени.

Всё больше проседая от втискивающих себя пассажиров, несчастная машина принимает в своё чрево запредельное

количество людей, и с большим трудом закрыв за ними двери, медленно, дрожа сцеплением, сдвигается с места, обдав оставшихся на остановке изрядной дозой выхлопных газов.

Юрий никуда не спешил. Он смотрел на всё с какой-то отрешённостью и безучастностью к происходящему. Ведь он и сам до недавнего времени тоже довольно активно участвовал в подобных штурмах.

Постепенно свежий, сырой и холодный, но всё-таки весенний воздух проветрил его мозги, наполнив их особыми молекулами, из которых складываются мысли.

Он никогда не бывал за границей, если не считать Афгана, и с чего начать свою будущую поездку, понятия не имел. Да и спроси любого на этой остановке, как это сделать, можно быть твёрдо убеждённым в том, что далеко не все даже смогут подсказать, куда можно с этим обратиться.

Люди, привыкшие к толчее на остановках, разбитым дорогам, грязным улицам, непроходимым лужам на дорогах, хамству продавцов, горам окурков под балконами, тёмным, грязным подъездам и воняющей мочой лифтам в большинстве своём даже не допускают и мысли о жизни в стране иной, ведь в той жизни красивой, чистой и богатой есть один весомый недостаток. Там ты – не дома.

Снова заморосил дождь. Юрий, слегка поёжившись, надел-таки свою фуражку. Вспомнив о туристическом агентстве за две остановки отсюда, он втиснулся в ещё открытые

двери очередного переполненного автобуса.

Глава 2

Земля обетованная

Огромный лайнер удивительно мягко коснулся бетонки аэропорта Лос-Анджелеса. Вглядываясь в трясущееся на стыках бетонных плит пространство за иллюминатором, Юрий почти не слышал объявления стюардессы об успешном завершении рейса, лишь с волнением в сердце смотрел на быстро убегаящий назад зелёный газон аэродрома, какие-то полосатые домики и взлетающий по соседней полосе огромный воздушный гигант с надписью на борту AIR FRANCE.

Вроде бы ничего особенного: та же зелёная трава, то же голубое небо, бетонка, похожая на бетонку Шереметьево-2. Но что-то не знакомое, чужое ощущалось во всём этом многообразии, и Юрий уже во второй раз за этот полёт пожалел о своем решении пусть на время, но все же покинуть милую его сердцу Россию.

Но вот, наконец, огромный самолёт, напоследок слегка качнув своих пассажиров, замер. Стих шум турбин, и успешные привыкнуть к их мерному многочасовому рокоту уши сдавило мягкой густой тишиной. Юрий накинул на плечо свою маленькую сумку, в который без труда уместился весь его нехитрый походный скарб и, повинувшись общей суете спе-

шащих к выходу пассажиров, засеменял мелкими шажками вслед за ними и вскоре покинул этот, ставший уже похожим на встревоженный улей, широкий, постепенно пустеющий, салон трансатлантического лайнера.

Всё происходящее вокруг него было каким-то неестественным, не знакомым, чуждым, поэтому, впоследствии он не мог припомнить ни то, как попал в гудящий зал прилёта, ни то, как проходил обязательную процедуру таможенного пограничного контроля. В течении следующих пяти минут, когда он вдруг очутился в огромном зале, где все таблички и плакаты, вывески и указатели, яркая реклама и всевозможные табло пестрели незнакомыми буквами, где общий мерный и не очень громкий, но монотонный и постоянный гул аэровокзала смешивался с разноголосицей чужой речи идущих рядом людей, где то и дело в общий шум врывается что-то говорящий по-английски мягкий женский голос информатора с тембром общим для всех информаторов всех аэровокзалов мира, Юрию вдруг жутко захотелось вернуться в салон родного русского самолёта, который при любом раскладе рано или поздно, но непременно вернётся на родную землю.

Он даже на мгновение остановился, настолько эта мысль показалась ему реально выполнимой, как вдруг, кто-то идущий позади, грузно натолкнулся на него, и Юрию ничего не оставалось как, слегка повернув голову, растерянно промычать себе в плечо что-то типа «Прошу прощения» и продол-

жить свой путь к толпе встречающих.

Встречающих было не много. Некоторые из них держали в руках большие белые бумажные листы с именами, а может быть и не с именами, а с чем-то другим, кто их знает... Вдруг его взор натолкнулся на, словно, вырванное из прошлого, бывшее обидным в детстве, почти забытое, но теперь ставшее близким и родным на фоне окружающего его всего непонятного и чужого, наспех написанное русскими буквами на большом белом плакате свое школьное прозвище.

– Андрей! – Юрий махнул рукой своему бывшему другу детства и направился к зовущему его плакату, – я здесь!

– Юрка! Макарон! – Вместо плаката теперь взлетели вверх обе Андриюхины руки, призывая друга в свои объятия. – Наконец-то! Как я рад тебе!

– Ну ладно, ладно, – Юрий угрюмо отвёл от себя объятия Андрея, коротко взглянув по сторонам, – что за нежности телячьи! Я не миловаться с тобой приехал. Пошли, поговорим сначала, и послезавтра мне домой пора.

– Как послезавтра? – Тихо спросил Андрей упавшим голосом, понимая, что разговор предстоит тяжёлый.

– Может послезавтра, может никогда, кто знает, как там повернётся, – сквозь зубы процедил Юрий, понимая, что если он приведёт в исполнение то, что рисовал в своём воображении на протяжении всего полёта, то может остаться здесь и на пожизненное.

Направившись к стоянке, Андрей попытался, было, при-

нять сумку Юрия, на что тот лишь буркнул:

– Не инвалид. Сам донесу.

Андрей понимал, что настроение Юрия продиктовано сейчас не радостью встречи со старым другом, а встречей с предателем и, потупив взгляд, угрюмо зашагал к своей машине.

Он остановился возле шикарного чёрного джипа, открыл заднюю дверцу. Юрий поставил в огромное пространство багажника свою сумку.

– Это твоя? Дорогая, наверное? – он критично рассматривал большую машину своего бывшего друга.

– Да ладно тебе, машина как машина. Конечно, не вазовская «Нива», но у нас тут все на таких ездят. Утром на работу надо ехать, девчонок моих в школу отвезти. Без машины нельзя. – Почти скороговоркой проговорил Андрей с явным волнением в голосе.

– На рыбалку ездить пойдёт, – тут же потеряв интерес к шикарному «Кадиллаку», съязвил Юрий, влезая в его просторный салон.

– А я на ней и езжу. Ты хотел поддеть меня что ли? Не-е, братан, здесь узики не продают, а эта – то, что надо!

– Я тебе не братан, – буркнул Юрий и отвернулся к окну.

Андрей завёл двигатель, и вскоре раскалённый августовской жарой воздух в салоне машины стал охлаждаться, смешиваясь с холодным воздухом, дующим из диффузоров кондиционера.

По пути Андрей несколько раз пытался разговорить своего гостя, но тот лишь рассеянно и без особого интереса продолжал рассматривать проплывающие в широких окнах джипа невиданные им доселе заграничные красоты огромного города. Вскоре они выехали на побережье Тихого океана и долго неслись по ровной широкой дороге вдоль береговой полосы. Юрий никогда не был на море и теперь во все глаза смотрел на простирающуюся за горизонт синеву огромного океана, далёкие, словно замершие в своём медленном ходе сухогрузы и стаи кружащих над водой чаек, для которых на целом свете ничего не существовало кроме этих блестящих на солнце вечных величавых волн.

Вечерело, когда Андрей остановил, наконец, свою машину возле утопающего в зелени сада большой двухэтажной виллы. Юрий собрался, было, выйти из машины, но хозяин, остановив его жестом руки, на мгновение притормозил возле поднимающихся вверх ворот гаража, после чего медленно въехал в его широкое светлое пространство.

– Ну, вот мы и дома, – выдохнул он, заглушив двигатель.

Юрий, выйдя из машины, с минуту задумчиво смотрел на медленно опускающиеся ворота. Он ещё простоял некоторое время, рассматривая огромный гараж, в котором с лёгкостью поместился не только большущий джип, но и белый с двумя навесными моторами деревянный катер на специальной тележке.

Андрей, стоя возле белой двери в стене гаража, насла-

ждался произведённым на друга первым впечатлением от своего дома.

– Юрка! Макаров! – Уже громче позвал он гостя, – долго стоять то будешь?

Тот медленно поплёлся вслед за хозяином дома, быстро потеряв интерес к его красивому, просторному гаражу. Минуты через три Андрей, предоставив другу возможность свыкнуться в новой для него обстановке просторного светлого жилища, ушёл на кухню.

Глава 3

Суд памяти

На небе зажглись уже первые звёзды, когда бывшие друзья, наконец, уселись за стол. Андрей поставил на стол бутылку «Столичной», два стакана и нехитрую закуску.

– Ну, давай, рассказывай всё по порядку, – Юрий, угрюмо сел на стул, повесив на его спинку выдавшую виды куртку своего старого, давно вышедшего из моды джинсового костюма и грузно упёрся локтями о край стола, – а заодно возьми это. Тебе привёз, – он бросил на стол перед Андреем фотографии их старого двора, школы, фотографии могил пацанов и всего, что только мог сфотографировать перед отъездом в Штаты.

Андрей с жадностью перебирал фотки и со слезами на глазах долго всматривался в лица своих улыбающихся друзей со старой фотографии далёкого восьмидесятого года, когда они все впятером снялись в сборном пункте военкомата перед самой отправкой в Афган.

– Как давно я их не видел. Наша фотка. Ты сохранил её. – Андрей превозмогая боль утраты, скопившуюся комком в горле, перебирал фотографии, долго смотрел на фото с памятниками со звёздами на макушках. Он налил себе полный стакан и выпил, не закусывая, держа её не твёрдой от вол-

нения рукой, спустя минуту спросил дрожащим шёпотом. – Как они... погибли?

– Игорь с Азатом в колонне ехали по горному ущелью. Они же водилами были, если помнишь. В головной «Урал», которую вёл Игорёк, попали из РПГ. Он был жив ещё. Вывалился из горячей кабины и отползал от машины. У него была оторвана рука и повреждены ноги. Азат ехал в третьей машине, был ранен автоматной очередью, но нашёл в себе силы подбежать к другу и поволок его прочь. Тут взрыв. Явно, какая-то падла видела их мученья и стрельнула в них из гранатомёта. Лица не были изуродованы. Я сразу их опознал. То, что мы Женькой в одной роте служили, ты знаешь. Через неделю после гибели ребят мы прочёсывали местность. Он наступил на «лягушку». Ведь стоял на ней, просил ребят помочь ему, так все шарахнулись от него врассыпную. Сволочи. Никто не помог. Ну, сколько так прстоишь? Шелохнулся, она и... Обе ноги по колено и спина – в ключья. Я далеко от него был. Слышу – зовёт. Почти добежал до него, – взрыв. На мне – ни царапины, а он лежит, смотрит на меня и жадно воздух ртом ловит. Я ему голову поднял, воду из фляжки своей дал, лицо ему освежил. Что я ещё мог? Он взял фляжку мою, так и умер с ней в руке, лишь слабо улыбнулся мне напоследок.

Андрей обхватил голову руками, сидел и тихонько раскачивался из стороны в сторону. По щекам его текли слёзы.

– Простите меня, пацаны, простите, если сможете, – смот-

рел он на расплывающиеся в слезах гранитные портреты, – я – предатель, подлец, трус. Вы смогли, а я – нет. Юрка, ведь я мог тогда положить несколько духов, мог, но тогда бы и они меня... Дать по ним очередь и всё! Зато сейчас бы не мучило меня это, не держало бы меня за глотку проклятое прошлое.

Он снова налил себе и Юрию. Взяв в дрожащую от волнения руку стакан, резко мотнул головой:

– Нет, Юрка, не пей со мной. Я не достоин этого. Не пей с предателем.

Он, не закусывая, снова выпил в одиночестве, звякнул пустым стаканом о тарелку на столе и, слегка заплетающимся языком, продолжил:

– Мы вчетвером отстреливались тогда, прикрывая отход наших. Вскоре все погибли, а я один остался. Я не смог оставить тела убитых ребят и сам уже раненый в плечо, защищал их, ожидая подмоги. Духи, гады, поняли, что я один и не стреляли, лишь показывались на мгновение из-за камней и снова прятались, живым меня взять хотели, ждали, когда у меня кончатся патроны. Я это понял и перестал стрелять, подпуская их поближе, хотя оставалось ещё полрожка. Вдруг вижу, крадутся ко мне. Я только прицелился, смотрю, и с другой стороны ползут, и у них я как на ладони. Всё, думаю, если пульну, хана мне. Мог я тогда прекратить все сегодняшние муки, мог! А вот бросил автомат и руки поднял.

Юрий молча слушал, тяжело глядя в пол, взял одиноко стоящий стакан и одним махом осушил его. Поморщился от

явно не по-русски сделанной водки, медленно закурил и после минутного молчания произнёс:

– Вот что, Андрей, я знал, что ты мне расскажешь всё, как было, знал, и вот что я тебе скажу. Сначала, когда тебя не нашли ни среди живых, ни среди мёртвых, я проклинал нашу дружбу, проклинал тебя и себя за то, что считал тебя своим другом. Позже на дембеле, когда ещё долго горела душа после Афгана, я старался не вспоминать о тебе и надеялся, что ты подох уже где-нибудь вместе со своими новыми хозяевами. Потом, когда пришло твоё первое письмо, я был в бешенстве и порвал его, не читая. Когда ты пригласил меня к себе, я решил посмотреть, на что это ты променял нас с ребятами. А сейчас вот ты знаешь, – он постучал кулаком себе в грудь, – нет ничего. Мне жаль тебя. Я побуду здесь денёк – и всё, домой. А у тебя нет дома, не сможешь ты туда. Там мать твоя лежит, я прихожу к ней на могилку, присматриваю. Никто за ней не ухаживает. Ведь ты один у неё был.

Андрей закрыл лицо руками, лишь слышны были его слабый стон и всхлипывания:

– Ах, Юрка, Юрка, какой же я дурак! Что же я наделал тогда! С каким бы удовольствием я сейчас променял бы всё это, что бы хоть раз ...

– Ну, хватит! – Юрий порывисто встал и быстрым шагом подошёл к большому окну, за которым уже стояла кромешная тьма. – Если бы тебе было на самом деле невтерпёж, давно бы купил билет, да сдался первому же менту в Шереме-

тьево. Развесил нюни...

– Не могу. Сколько раз порывался, а не смог.

– Скажи лучше, не мог бросить машину свою шикарную, виллу эту двухэтажную, дороги чистые, да магазины барахлом набитые. – Он резко повернулся и, вперив в Андрея тяжёлый взгляд, продолжил, – Хотел бы вернуться – вернулся бы. Давно уже отсидел бы своё, да жил бы сейчас как человек с чистой совестью, а так... что за жизнь.

– Прости меня, Юрок, прости. Не простишь ты – не смогу я принять прощение чужих людей, даже если и отбуду любое наказание. – Андрей сидел с опущенной головой, не в силах встретиться взглядом со своим судьёй.

– Простить тебя? Бог тебя простит. У Него прощения прося. А вот насчёт наказания... – Юрий, хрустнув суставами пальцев, сжал ладонь в кулак, отведя его чуть в сторону, потом после нескольких секунд раздумья опустил голову и, грузно опустив кулак на стол, процедил сквозь зубы, – ты сам назначил его себе. Такое наказание не смог бы присудить тебе трибунал. Двадцать два года прошло, уже три года как двадцать первый век идёт, и всё это время ты казнишь себя. Если бы ты забыл всё, упиваясь здесь в роскоши, если бы не мучила тебя совесть за своё малодушие, я сам бы тебя судил. И казнил бы сам!

В комнате повисла тяжёлая пауза. Андрей не мог её прервать, а Юрий не хотел. Снова отойдя к тёмному окну, он опять пожалел о своём приезде сюда. Его бывший друг – пре-

датель. Он предал всех тогда. Свой дом, свою мать, погибших пацанов, дворик свой. Всех. И его тоже.

Чернота наступившей ночи не может являться преградой для мыслей, и перед его глазами вновь возникли ребята молодые и улыбающиеся, точно как на той старой фотографии далёкого восьмидесятого. Они, как бы, вглядывались ему в душу, своими улыбками заполняли в ней пустоту давней утраты.

За спиной тихо звякнуло потревоженное стекло, и раздались мягкие булькающие звуки. Видение пропало. Снова закурился и тяжело вздохнул, Юрий опустил взгляд к низкому узкому подоконнику огромного окна.

– В общем, так, Тюбик, – понизив голос почти до хрипа, нарушил тишину Юрий, – время неумолимо. Мы уже зрелые мужики. Сеедем вон уже, скоро стареть начнём. Если бы ты пригласил меня сюда лет пятнадцать назад, я разговаривал бы с тобой по-другому, если бы разговаривал вообще. А может... – он повернулся к свету и, глядя на Андрея сквозь струйку дыма прыгающей в его губах сигареты, сложив руки на груди, прислонился спиной к оконному косяку, – с тобой бы разговаривали ангелы. Или черти. Но сегодня я вижу твоё искреннее раскаяние. Сюда я приехал не один, со мной приехали Игорь, Азат и Женька, – Юрий поднёс указательный палец к своему виску. – Они в памяти моей живут и приехали со мной судить тебя, и я говорю от их имени тоже. Ты преступник, Андрей, но хоть для наших законов ты – пре-

ступник без срока давности, я прощаю тебя за попорченную тобой нашу дружбу. Живи с миром и Бог тебе судья.

Андрей отнял руки от мокрого от слез лица и, подскочив к Юрию, крепко сжал ими руку друга:

– Спасибо, Юрок, если бы ты знал, как дороги мне твои слова, как долго я их ждал. Давай забудем плохое и выпьем. Утопим в этих стаканах всё, что нас так долго разделяло.

Мало-помалу, пропасть отношений между ними становилась всё уже. Они сидели за столом, вспоминая безвозвратно ушедшие годы своей молодости, рассказывая о себе, поминая друзей. Но былой дружбы уже не было. Так ... просто разговор двух знакомых мужчин.

Во время всего разговора в душе Юрия велась борьба между желанием забыть всё былое и положить руку на плечо своего школьного друга, этого весельчака и балагура Андрюху Васнецова, за свою «художественную» фамилию ещё в начальных классах получившего прозвище «Тюбик» и желанием встать и уйти прочь от этого предателя, плюнувшего в эту душу ради спасения своей шкуры в далёком январе семьдесят первого. Но какая-то сила удерживала его от решительного порыва, и он с удивлением стал замечать, как тяжёлые мысли стали понемногу рассеиваться.

– Эх, Тюбик, какой же ты дурак! Жизнь человека – это не просто существование между двумя датами на камне, жизнь – это родство душ, необходимость быть нужным кому-то, это – память о тебе. А ты взял и зачеркнул её своим малодуши-

ем. Ладно. Тебе с этим жить. Прошлого не вернёшь. Мир вон как изменился с тех пор, страны уж той нет, за которую мы воевали, да и мы с тобой не молодеем. Наливай!

– Да, Юрок, прошлого не вернёшь. Мне с этим грузом жить, ты прав. Что теперь с этим я могу поделывать? А вот время неумолимо, и мы с тобой изменились, факт. Дай-ка я посмотрю на тебя. Какой же ты стал большой! А ведь вот такой щуплый был – он вытянул вверх указательный палец. Он с минуту всматривался в знакомые ему с детства черты лица, правда, изрезанными стрелками мелких морщин, вкупе с острым взглядом его серых, уставших глаз и проседею на висках придававшие Юрию вид мужественного, не сломленного жизнью человека.

– Зато ты совсем не изменился. Всё тот же рот до ушей, и уши как у чебурашки.

– Да ладно тебе...

– Не, ты погляди, ни животика, ни морщин, только седина вон слегка пробивается, а так – хоть сейчас по девкам. Помнишь?

– Ещё бы не помнить. А что, сейчас уже слабо, а? – Андрей игриво толкнул его локтем в плечо.

Давно утраченные отношения двух не молодых уже людей постепенно налаживались, но маленький уголёк неприязни к своему другу детства долго ещё тлел в душе Юрия.

Далеко за полночь уже изрядно захмелевший Андрей обнял друга своей молодости за плечо и, горячо дыша хмель-

ным выхлопом ему в лицо, сказал, постепенно переходя на шипящий шёпот, с трудом ворочая заплетающимся языком и часто икая:

– Юрок, не уезжай, а? Остайся со мной ну хотя бы на н... дельку. Жена всё равно с девчонками во Францию к своей сестре укатила, так что мы вдвоём холос. стничать будем. У меня лодка есть, во! – икнув, он поднял вверх шатающийся большой палец, – палатку возмём, паедим завтра на р. балку. На мой острв... С ночевкой. Я там пирс классный строю. У меня уд...чки есть, во! Я те такие места пкажу, ахнешь!

– Дурень ты, Андрюха, – Юрий тяжело упёрся локтями о край стола, – да что вы, америкосы, знаете про рыбалку! Удочки... Места... Эх ты! Что русскому надо? Ящик водки, да свежий воздух! Да, Андрюха, ты уже – не русский!

Долго ещё пьяные и полусонные говорили они о том, о сём. Так, с затуманенным взором от выпитого они встретили рассвет, как новую страницу их спасённой дружбы.

Глава 4

Путь в никуда

Солнце было уже в зените, когда раздавшийся в тишине хмельного смрада телефонный звонок, как по тревоге, поднял на ноги не успевших ничего понять заспанных друзей. Андрей торопливо подскочил к телефону.

– Hello, my darling... – он стал как-то нервно указывать Юрию на стоящий на камине портрет, потом на трубку, давая понять, что это звонит его жена, потом отвернулся к окну и продолжал что-то мурлыкать ей, словно извиняясь в чём-то.

Юрий понимающе отвёл взгляд, показывая своё безразличие к разговору, не имеющего к нему ни малейшего отношения. Странно было ему слышать, как Андрюха, этот отпетый лодырь, которому тройку по английскому в аттестате поставили с великой натяжкой только из одной жалости к его матери, воспитывающей сына без отца, чешет теперь как Чак Норрис, словно английский – это его родной язык.

– Ну, эти женщины! – Андрей аккуратно положил на аппарат уже плачущую трубку, – представляешь, звонит из Тулузы и говорит, что у меня изо рта несёт – дышать не чем. Да ну их всех! – он неуклюже отмахнулся. – Айда лучше съедим чего-нибудь и пойдём собираться.

– Куда?

– Ты чё, Макарон, мы же на рыбалку собирались. Забыл что ли?

– Нет, но я думал ...

– А ты не думай, ты у меня в гостях, так что думать я буду, ладно?

– А как твоя работа? Сегодня же только пятница.

– Я отпуск взял со вчерашнего дня, так что, теперь целую неделю будем отрываться на природе. Юрка, как я рад тебе!

После обеда сборы были, в общем-то, не долгими. Хозяин уже давно приготовил всё необходимое для вылазки на природу, оставалось только положить в машину продукты.

– Ну, вот и всё, сейчас заскочим в магазин, возьмём мяса для барбекю, вина белого и поедем на мой любимый островок. Тишина! Красота!

– Какое вино, ты что, я не буду пить никакого вина! Ещё чего! Водки наберём, иначе я никуда не еду.

– Юрка, вино – для мяса. Ты не знаешь, как мясо маринуют?

– Ладно, Тюбик, не обижайся. Я, похоже, ещё с бодуна отойти не могу. Что вы тут пьёте? – Прижав ладонь ко лбу, Юрий страдальчески сморщил лоб, – айда на воздух, а то душно как-то.

Наскоро пообедав и приведя себя в порядок, спустя часа три, друзья уже катили по побережью. Потом дорога повернула куда-то вправо к рваному возвышающемуся горизонту с

пологими горными вершинами, а из динамиков лились звуки какого-то шлягера. В багажнике стояла кастрюля с перчёным мясом под винным маринадом и тихо позвякивали только что купленные бутылки белой «злодейки с наклейкой», да два блока «Camel». Юрия очень развеселило то, как смотрел на Андрея продавец маленького магазинчика, подавая ему коробку «Столичной». По-видимому, он спросил его о том, неужели всё это можно выпить, на что Андрей ответил какой-то шуткой, вызвав хохот присутствующих в зале.

– Тюбик, а ты с кем обычно рыбачишь? У тебя есть тут друзья? Не в одиночку же ты едешь. Машина у тебя такая большая и, говоришь, для рыбалки, катер вон какой сзади прыгает... – Юрий махнул рукой назад.

– Есть друзья, хорошие ребята, я тебя познакомлю с ними, – выдохнул тот, – только у них у всех дела, бизнес, им не до отдыха; дочери опять же – не сыновья, у них другие интересы, так что вот так один и ездю, душу отвожу, мечтаю о чём-нибудь в одиночестве с удочкой в руках, отдыхаю в тишине. Сколько живу здесь, всё равно не могу привыкнуть к здешнему темпу жизни, всё как-то не по-нашему, все разговоры про деньги, про индексы, про курсы всяких валют, цены разные, вот и выезжаю частенько на природу подальше от всех. Эх, Юрка, я так рад, что ты приехал! Русским духом запахло!

Большая машина мягко и бесшумно катила по ровному асфальту. Еле слышное шуршание шин, прохлада закрыто-

го салона, льющаяся из динамиков тихая лёгкая музыка стали постепенно ввергать Юрия, не привыкшего к такому комфорту, в сладостное сонное оцепенение.

Вскоре характер дорожного покрытия слегка изменился, стало немного потряхивать на небольших неровностях, машина плавно но, всё же, ощутимо покачиваясь, проходила частые повороты, заставляя своих пассажиров раскачиваться из стороны в сторону. Юрий открыл глаза.

– Кажется, я что-то пропустил. – Он, растерянно поглядывая на пробегающие за окнами деревья и кустарники, смущённо протирал глаза.

– Ты спал с полчаса, я не стал тебя будить. Что, укачало? Скоро будем на месте.

Около получаса спустя, Андрей остановил машину на небольшой безлюдной поляне в окружении высоких деревьев на берегу узенькой речки. Друзья не спеша разгрузили машину, отцепили прицеп и спустили лодку на воду, предусмотрительно привязав её к торчащему из глины прямо возле береговой полосы колышку, после чего принялись переносить в неё съестные припасы из машины и всё, что может им пригодиться для недельного отдыха на природе, не отвлекаясь на поездки за продуктами.

Когда все было готово к отплытию на островок, до которого было рукой подать, друзья устало присели на борт катера. Вечерело. Солнце уже скрылось за деревьями, от реки повеяло прохладой.

– Слушай, Андрюха, какой смысл сейчас, на ночь глядя плыть куда-то, ставить палатку и прочее. Давай отдохнём здесь, а завтра утром всё нормально устроим. Что скажешь?

– Вот я как раз сейчас хотел тебе это же предложить. Есть очень хочется, да и темнеет здесь быстро. Айда хлопнем по маленькой с устатку, закусим, да и на боковую. Не палатку же нам тут ставить, вон в катере места сколько!

Было бы сказано! Звякнули потревоженные бутылки в носовом рундуке¹, зашуршали пакеты с закуской и друзья, не выходя на берег, устроились в лодке по удобнее и распечатали первую бутылку. На западное побережье Штатов тихо опускалась ночь.

– Юрок, давай первую за тебя. Чтоб наладилось у тебя всё. Нет, правда, есть у меня тут друзья, но ближе тебя нет никого. Будь счастлив.

– Эх, Андрюха, как бы мне хотелось, чтобы подольше было вот так как сейчас. Нет ни Штатов, ни границ между нами. Только мы с тобой и остров, зелень, рыбалка... а как хорошо было, небось, лет триста назад! Ни тебе паспортов, ни виз. Хошь – ты ко мне едешь, хошь – я к тебе, хошь – езжай куда, хошь – плыви! А тут собирался к тебе чуть ли не полгода. Нагородили границ, таможен ...

– Юрка, а может, останешься здесь, и ехать ни куда не надо, а? Что тебе там делать без работы, без семьи в этой неразберихе вашей. В России по несколько раз за век случаются

¹ Рундуки – различные ящики на морских и речных судах

революции. А у нас была только одна, зато теперь живём тут спокойно и сыто. Ты устроишься здесь на работу, купишь дом, машину. Я помогу тебе. Заживёшь как человек, а? – захмелевший уже Андрей с надеждой заглянул другу в глаза.

Едва различимые во мраке наступившей ночи черты лица Юрия были напряжены. Он не видящим взглядом смотрел на отбрасываемую взошедшим месяцем мерцающую в течении реки белую дорожку и, тяжело вздохнув, ответил:

– Нет, Тюбик, ты никогда не вернёшься домой, как бы ты не ныл. «У вас... у нас...» Ты стал американцем, и это – твоя большая проблема. Думаешь, мне не хочется жить в достатке спокойно и счастливо? А вот прирос я там, понимаешь, не знаю чем, а вот прирос и всё. Душой, наверное. И пусть там плохо сейчас, грязно и работы нет, но я хочу, что бы там было хорошо и верю, что день этот придёт. А ты не хочешь и не веришь. Вот в чём между нами разница. Спасибо тебе, конечно, за приглашение, но я не останусь. Давай наливай ещё по одной.

– За что выпьем?

– А! – Юрий небрежно, словно отмахиваясь от какой-то назойливой обязанности, сказал, – за рыбалку, за островок твой любимый, за лодку эту твою, за дружбу нашу и вообще за исполнение всех желаний!

На небе одна за другой зажигались звёзды, к лёгкому плёсу маленьких волн иногда прибавлялось бутылочное бульканье и уже изрядно захмелевшие друзья, под Андрюхину ги-

тару вполголоса пели песни своей молодости, слегка раскачивая лодку.

Булькнула упавшая за борт уже третья пустая бутылка, пения сменились не складным и не ритмичным мычанием, разговоры друзей перешли в заключительную фазу на манер «Ты меня что, не уважаешь?», «Да ты чё, я же тебя просто люблю!» Вот уже остался один что-то бурчащий голос, но вскоре стихли и эти не членораздельные бормотания.

Под чёрным звёздным небом густой калифорнийской ночи ни мягкий плёс воды, ни нежное шуршание листьев на слабом ветру, ни редкие крики ночных птиц не могли соперничать с крепким раскатистым храпом уснувших в пьяном угаре друзей.

Потоку воды нужны тысячелетия для обтачивания камня, столетия для прокладывания нового русла, годы для вымывания грунта и ослабления фундамента, но и за несколько часов своего постоянного воздействия разрушительная мощь воды способна нанести большой ущерб природе и человеку, пусть не лучшей, но всё же части её.

Торчащий в мокрой глине колышек слегка склонился под упором постоянного усилия натянутой верёвки, он постоял ещё несколько секунд, пытаясь удержать доверенную ему лодку. Но неумолимая сила реки вырвала его из мокрого грунта, и колышек, влекомый её течением, тихо отдался на волю стихии вместе с плывущей кормой вперёд лодкой с храпящими на всю округу её пассажирами.

Спустя минут десять она скрылась за ближайшей излучиной реки, всё больше удаляясь от маленького заросшего островка. А где-то там, за горизонтом, воды маленькой речки сливаются с водами Великого океана, а наши друзья крепко спали, ничего не подозревая о том, какую неожиданную встречу с ним готовила им судьба.

Глава 5

Туманное похмелье

Похмелье оказалось тяжелее, чем обычно. Юрий, проснувшись на дне катера, не мог понять, почему у него кружится голова. «Что это мы вчера пили? Во набрался! Лёжа качает» – Медленно и туманно проплыло в голове. Он с трудом открыл глаза, скользнул взглядом на свои часы и почувствовал, что обнимает чьи-то ноги. Приподнявшись на локте, попытался разглядеть их спящего хозяина, но его внимание вдруг привлекло необычное обстоятельство.

Вокруг ничего не было. Мутная белая пелена покрыла всё обозримое пространство. Их лодка то куда-то поднималась как-то уж очень долго, то так же долго и плавно куда-то опускалась, волнуя все его внутренности, потом начиналось всё сызнова, сопровождая это каким-то мягким плёсом за бортом. Он, упершись рукой о какую-то полированную железку, прибитую к борту катера, сел, того даже не замечая, что давно уже колотит по ноге спящего Андрея, испуганно озираясь по сторонам.

– Макарон, ну чё ты, дай поспать. – Недовольно проворчал тот в ответ, но Юрий всё толкал ногу, прогоняя остатки сна её хозяина. – Да чё тебе! – Андрей взглянул на будящего его друга затуманенным взглядом.

– Тюбик, гляди, что это! Где мы, а?

Испуганный голос Юрия стал постепенно прогонять сон Андрея, и тот, болезненно приложив руку к голове, медленно и нехотя поднялся. Некоторое время он безучастно смотрел вокруг, лениво борясь с постоянно слипающимися веками, пока до него не стал постепенно доходить смысл их нынешнего положения.

– Тюбик, ты тоже видишь это, или только у меня в голове такой туман от вчерашнего? А где берег? – Юрий озирался уже не так ошалело. Всё же, присутствие рядом живой души немного успокоило его, но ощущение чего-то непоправимого по-прежнему холодило ему кровь.

Похмелье как рукой сняло. Андрей рванулся на нос катера и поспешно вытянул мокрую верёвку, на конце которой беспомощно болталась привязанная к ней палка.

– Юрка, – голос его сорвался, он откашлялся, – Юрка, нас унесло в океан!

– Какой ещё океан, ты что, перепил вчера? Мы же на речку твою приехали, забыл что ли?

– Тихий океан! У нас все реки в него впадают. Боже мой! Может, мы ещё не далеко от берега, а? Эй, кто-нибудь! Спасите! – крикнул он в пространство, поднявшись как можно выше, держась за руль катера и отчаянно держа равновесие на то и дело уходящей из-под ног палубе этого утлого судёнышка.

Но крик его потонул в тумане, густым покрывалом на-

крывшем побережье, словно он крикнул в подушку. Поняв бесплодность усилий, Андрей обречённо опустил на пассажирское кресло и взглянул на часы.

– Пятнадцать минут третьего пополудни. Интересно, когда лодка оторвалась? Может мы ещё не так далеко от берега и нас смогут увидеть, когда туман рассеется.

– Андрюха, а где пограничники? У них что, локаторов нету? Они должны же нас увидеть!

– Да кто их знает. Давай подождём – или берег увидим, или погранцы нас найдут, – уже заметно спокойнее сказал Андрей, но всё же лёгкая тревога читалась в его глазах. – Хорошо ещё, что волны нет, а то мы бы ещё проснуться не успели, как пошли бы на корм рыбам. Кстати, нам бы тоже не грех съесть что-нибудь.

«Волны нет, – мысленно повторил слова друга Юрий, – а это разве не волны?» Он, впервые увидевший море вот так близко и осязаемо, сидел молча, лишь испуганно озираясь вокруг, смотрел на медленно вздымающиеся и опадающие спины тяжёлых волн. Казалось, что огромный океан устал и сейчас блаженно почивает, дыша своей могучей грудью, вызывая эти волны, но не приведи Господь ему проснуться, и тогда их участь будет решена.

– В такое время ты ещё думаешь о еде! Меня вот-вот наизнанку вывернет, а он есть хочет. А вот воды бы я выпил, сушняк мучает, спасу нет.

– Как раз пить то и не желательно. При морской болезни

рекомендуют есть сухую пищу, да и воды у нас тут не галлоны. Надо экономить, мало ли что ...

– Сплюнь!

Юрий старался разглядеть что-нибудь за пеленой злополучного тумана, но он по-прежнему мог видеть только круглые бугры волн на расстоянии не больше метров десяти-пятнадцати от себя. Иногда с их гребней срывались брызги и попадали в лодку, орошая его лицо своими бирюзовыми горошинами, и ему казалось тогда, что вода захлёстывает их маленькую лодку, и она вот-вот пойдёт ко дну.

Время шло, но туман, вставший непреодолимой преградой между ними и остальным миром, и не думал рассеиваться, позволяя волнам относить всё дальше и дальше от берега маленькую игрушку с двумя букашками на борту на утеху Океану-великану.

Юрия уже почти не мучила качка, и он с задумчивой отрешённостью смотрел вдаль, насколько позволял ему видеть проклятый туман. Обидно иметь полный бак горючего, два мощных мотора и болтаться в бездействии целый день, не зная, куда направить нос катера, ведь даже Солнце было размыто в этом тумане, и совершенно не ясно было, где оно сейчас находится. Ну, ничего, вечных туманов не бывает, а потом достаточно будет хотя бы тоненькой полоски на горизонте, заводим моторы – и злключениям конец.

Успокоившись этой мыслью, Юрий, сидя на маленьком жёстком креслице катера, медленно закурил. Выпустив об-

лачко сизого дыма, он снова глубоко затянулся и облегчённо вздохнул, закинув руки за голову. Тут, услышав шуршание полиэтиленового мешка за спиной, обернулся.

– Айда, хоть ты и Макарон, а есть и тебе надо, – шутливо подмигнул другу Андрей, выкладывая продукты на откидной столик, прикреплённый к правому борту.

Не найдя ничего плохого в мысли о том, что хорошо бы унять проснувшийся от бесконечной качки голод он, подгоняемый вдруг недовольно заурчавшим желудком, осторожно, что бы ненароком не качнуть лодку, приблизился к повару и с ходу закинул в рот солидный кусок колбасы.

За обедом вполне освоившиеся и примирившиеся со своим вынужденным временным положением закинутых в открытый океан лопухов, друзья весело подшучивали над собой, полностью прогоняя былой испуг.

– Эх, Андрюха, – Юрий обняв, наконец, друга за плечо, почти сгрёб его себе под мышку, – я думаю, мы всю неделю рыбалки на твоём островке, непременно будем вспоминать это сегодняшнее приключение. Ей Богу, оно стоит того. Представляешь, как я напугался поначалу!

– Что ты, Юрка, если бы я был один, с ума бы сошёл. Уснуть в лесу, а проснуться в океане. Жуть! Хоть бы знать, где берег, а то кругом молоко, даже Солнца не видать. Не знаю как ты, но первое, что я сделаю, ступив на землю – это напьюсь. Стресс снять и нервы успокоить.

– Врачи рекомендуют... – улыбаясь, многозначительно

поднял кверху указательный палец Юрий.

Друзья весело рассмеялись. Теперь и океан казался не таким страшным, и туман не таким зловещим, и их положение не таким безнадежным, скорее комическим.

Прошло ещё несколько часов вынужденного безделья. Вальяжно раскинувшись в креслах, сытые друзья лениво и безмятежно наблюдали за тем, как подымавшийся лёгкий ветерок начал-таки разгонять этот надоевший им туман, нося над водой отдельные его клочки.

– Ну вот, Тюбик, скоро поедem. Смотри, туман стал рассеиваться, скоро увидим твою любимую Калифорнию. Не, что не говори, а мне эта прогулка понравилась. Чистым морским воздухом надышались вволю, аппетит нагуляли.

– ... Кайф поймали ...

– Точно!

Прошло ещё около часа, и Юрий воскликнул:

– Гляди, Тюбик, вон там уже развеялось, и до самого горизонта земли не видать. Значит, нам туда не надо. Давай глядеть в другую сторону.

– Вон видел? Здесь тоже на секунду открылось, но и там было пусто. – Протянул руку в противоположную сторону, снова затянутую дымкой Андрей.

Глава 6

Перед бурей

Солнце клонилось к закату. В распоряжении мужчин оставалось не многим больше трёх часов светового времени. Они уже заметно нервничали, на все лады проклиная этот чёртов туман, как вдруг Юрий крикнул, резко вскочив со своего места, опасно качнув катер.

– Вон земля! Ох и отнесло нас от неё! Давай, Андрюха, заводи свой крейсер.

– Легко! – радостно воскликнул тот и, воткнув ключ в замок зажигания, нажал на кнопку стартера.

В ответ на это под весёлые крики друзей раздалось долгожданное рычание моторов. Андрей прибавил газу, но они вдруг тут же один за другим заглохли.

– Что случилось? – Тревожно спросил Юрий.

– Понятия не имею.

Андрей снова повторил попытку завести моторы, но на этот раз они уже не проявили никаких признаков жизни. Следующие попытки дали тот же результат. Тем временем горизонт уже почти полностью открылся, обнажив лишь тонкую полосу ярко освещённого закатным Солнцем восточного берега.

– Что, Тюбик, что? Что случилось? Давай заводи, скоро

Солнце сядет. Чё делать будем? Почему он заглох?

– Понятия не имею. – Снова, как заученное, тихо повторил испуганный Андрей, понимая, что именно от него сейчас многое зависит, а может быть и не зависит больше ничего.

– Ты хоть знаешь, как всё это работает? Хоть раз в него лазил? Ремонтировал что-нибудь в нём?

– Нет, Юрок, его всегда механик смотрел, профилактику там... Я в них ничего не смыслю.

– Вот настоящий америкос! – В сердцах кулаком ударил по борту катера Юрий. – У нас любой мужик знает, из чего сделана его машина и как она работает. Ты, небось, и колесо своего джипа ни разу не менял самостоятельно? (Андрей, виновато опустив голову, мотнул ею в сторону) Ну, что я говорил! – Он в отчаянии с силой махнул руками сверху вниз.

Тут волна подкинула катер, и он чуть не вывалился за борт. Понимая, что криками и нервами ничего нельзя сделать, он более примирительным голосом спросил вконец убитого горем Андрея:

– Бензин то хоть есть у тебя?

– Да, я налил полные баки, – понимая, что хоть здесь-то он не оплошал, с готовностью ответил тот.

– Так, может он по какой-то причине не подходит из баков к моторам? Ведь работали же они несколько секунд. Эх, Тюбик! Ладно, что толку препираться, давай разбираться, где тут чего, да как.

Друзья занялись поиском неисправности, с грустью глядя, как заходящее Солнце уже коснулось горизонта. Они понимали что, скорее всего, течение отнесёт их ещё дальше, а за ночь полоска земли и вовсе скроется за горизонтом, и им предстоит проболтаться в океане как минимум ещё один день. Не известно ещё, как изменится погода, и как будут обстоять дела с моторами. В общем, радужные надежды на скорое возвращение угасали с каждой минутой вместе с последними лучами заходящего красного светила.

Мерные волны лениво и величаво качали маленькую лодку, из которой уже не слышались шутки и насмешки, никто уже не строил планов на завтра. Близилась ночь – время, когда стихия спрашивает у любого мореплавателя, а как он, собственно, подготовился к ней, трудился ли в поте лица, что бы достойно встретить рассвет, или нежился в безделье, уповая лишь на счастливый случай.

Последний луч Солнца мелькнул напоследок, как бы подмигнув горе-морякам: «Ну, до свидания. Завтра ещё увидимся... Может быть».

Юрий рассеянно обвёл взглядом темнеющий горизонт в надежде увидеть какое-нибудь судно, как его внимание привлекла тонкая, почти не заметная тёмная рваная полоска в юго-восточной части океана. Там совсем недавно было чистое голубое небо, он это твёрдо помнил.

– Господи! – полушёпотом, испуганно произнёс он, неумело перекрестившись.

Юрий напряжённо смотрел на юго-восток, где темнеющий небосвод только добавлял тёмных оттенков суровому горизонту, таящему в себе молчаливую угрозу мореплавателям. Ветерок чуть подувал, и шлюпка едва заметно покачивалась на водной глади.

Он лихорадочно пытался припомнить всё, что когда-либо слышал или читал, или просто видел в кино о подобных ситуациях в море. Ясно одно: грядёт буря, они на краю гибели, и ждать помощи не откуда. Чуть поднимется хоть маленький ветер, – и вздувшиеся водяные горы просто разнесут в щепки их маленькую надежду, их единственную спасительную соломинку. Да что ветер! Достаточно их маленькой лодке черпнуть немного воды, как она неминуемо пойдёт ко дну. Эта картина так ясно предстала перед его мысленным взором, что он, снова неуклюже перекрестившись, шумно выдохнул:

– Господи, спаси нас, грешных.

– Что? – поднял голову увлечённый поиском неисправности Андрей, – Юрка, я не расслышал, что ты сказал.

– Тюбик, всё бросай, сейчас не до этого. Нам срочно надо приготовить лодку к шторму.

– Какой же это шторм! Мы качаемся как на перине. Сейчас достану фонарь, мы всё починим и поплывём.

– Не успеем. Вон идёт наша погибель. Смотри – тучи на горизонте. Если не подготовимся, то твои отремонтированные моторы нам явно не пригодятся.

Андрей приподнялся и с тревогой посмотрел в указываемую другом сторону. Запад был ещё светлым, но на юго-востоке со зловещей угрозой, будто поднимаясь из воды, медленно и неумолимо надвигались на них, выходя из-за горизонта чёрные рваные острогорбые вершины далёких туч, грозя вскоре всё обозримое пространство накрыть непроглядной тьмой.

Глава 7

Капсула жизни

– Андрюха, надо срочно готовить нашу лодку к шторму. Что у тебя есть в катере, всё доставай, – скомандовал Юрий, – нельзя терять ни минуты, скоро совсем стемнеет.

– А что доставать? У меня тут всё есть на все случаи жизни, ведь ...

– Давай верёвку. Всю, какая есть, но сначала снимем один мотор. Помоги мне.

– А зачем?

– Здесь нет ничего более тяжёлого, чем твои моторы. Из одного из них мы сделаем противовес вроде кия. Чем тяжелее киль, тем устойчивее судно. Перевернуться ему труднее, понял? Это самая тяжёлая работа, поэтому давай постараемся управиться засветло.

Снять мотор и положить его на дно катера не представляло труда.

– Теперь я пока один справлюсь, а ты размести продукты и сигареты как-нибудь так, что бы их не испортила вода, ненароком. В мешки полиэтиленовые растолкай, что ли, да засунь куда подальше.

Юрий тем временем выкатил на середину катера солидный клубок заботливо смотанных кусков верёвки различ-

ной толщины и довольно внушительного вида бухту тонкого плотного каната, после чего стал торопливо отмерять его метр за метром, беззвучно шевеля при этом губами. Он приготовил десять кусков верёвки по пять метров, две по восемь и начал привязывать их к мотору.

Вскоре ветер совсем стих, и океан стал гладким, как стол, но небо на юго-востоке затягивало тучами. Духота становилась просто невыносимой.

– Макарон, – раздался приглушённый голос Андрея из носового рундука, – я что-то не пойму, зачем ты эти верёвки вяжешь? Куда он из лодки денется?

– Он будет не в лодке, а внизу, в воде, подвешенный к ней.

– Как в воде? Он же испортится так, – Андрей высунул голову из рундука и обескуражено посмотрел на друга, обдуваясь от жары, – как же мы поплывём тогда?

– Если этого не сделать, тогда испортимся мы, и довольно скоро там, на дне, мирно поживая от мирских забот. Ты что же, думаешь, одного мотора будет для этого не достаточно, если что? И вообще, как бы в противовесе одного мало не оказалось, а то придётся и второй подвесить. Не отвлекайся, а приготовь лучше гвозди, шурупы там или ещё чего, в общем, любой крепёж, какой найдёшь, словом, всё, что можно забить в дерево. И молоток.

– Молотка нету. Есть ножовка, топор, отвёртка механическая, саморезов целая банка. Ты знаешь, какой пирс я строю на острове...

– Позже расскажешь, – оборвал его Юрий.

– Ну, я и говорю, остались ещё где-то с постройки этого пирса, – упавшим голосом ответил Андрей, мысленно попросившись со своей гордостью, самыми мощными во всей округе моторами. – ... Я всё, Юр, что ещё делать?

– Бери свой топор, саморезы, железки всякие и принимайся прибивать вот эти пять верёвок к правому борту. Какая удача, что ты купил деревянную лодку, а не дюралевую! Крепи их на расстоянии сантиметров пятнадцати друг от друга, и как можно крепче. Помни, что слишком крепко не бывает.

Андрей достал банку с саморезами и ящик с какими-то кривыми планками, ржавыми гвоздями, мятыми скобами и другими железками, которые в любое другое время смело можно было назвать мусором и с чистой совестью выбросить за борт. Но сейчас эта странная склонность хозяина к бережливости даже в мелочах сослужила терпящим бедствие горе-морякам неоценимую службу.

Над океаном в тишине штиля раздавались торопливые удары обуха топора, тяжёлые вздохи и натуженные покряхтывания. Ночная мгла быстро вступала в свои права, и на востоке появились первые звёзды. Попавшие в беду друзья ловили каждую минуту затишья перед наступающей бурей, стараясь сделать как можно больше для своего спасения перед угрозой явной неминуемой гибели.

Уже почти на ощупь Юрий привязал ещё семь верёвок к мотору и собрал их вместе, прихватив одной длинной тон-

кой бечёвкой. Андрей, освещая себе фонарём, старательно прикручивал и прибивал первые пять концов к деревянному борту катера. Никогда в жизни он не делал свою работу более качественно, чем в ту жуткую ночь.

Запад уже почти угас, на всё более чернеющем небе зажглись звёзды. Серебристый месяц ронял тусклый свет на Землю, и все предметы на борту катера приобрели слабые и размытые, но вполне различимые контуры. Лишь на юге небо оставалось зловеще-чёрным и беззвёздным. Края облаков слабо освещались лунным светом, и было уже заметным их торопливое движение к северо-западу. Вскоре стали меркнуть звёзды на западе. Стояла странная, необычная тишина, и в воздухе, по-прежнему, – ни малейшего дуновения. Духота стала просто невыносимой. Стекающий каплями по лицу пот застилал глаза несчастным, взмокли спины, но друзья не могли позволить себе расслабиться и старались использовать каждую секунду затишья с пользой для своего маленького судёнышка.

– Вот, Юрка, вроде всё. По-моему, крепче не куда.

– Айда, Тюбик, теперь надо опустить мотор в воду, только очень аккуратно.

Они медленно и осторожно, боясь нарушить зыбкое равновесие, перекатали тяжёлый мотор за борт. Несмотря на все предосторожности, он всё же неуклюже плюхнулся в воду, дёрнув прибитые к катеру верёвки. Лодка резко накренилась, чуть не выбросив свой экипаж за борт.

Смачно выругавшись, друзья бросились к левому борту, стараясь ликвидировать опасный крен. Юрий торопливо перекинул через нос катера свою длинную бечёвку с привязанными к ней на другом конце оставшиеся семь верёвок и вытащил мокрый узел, подтягивая за них тяжёлый мотор и выравнивая тем самым положение катера.

В эту минуту с востока пронёсся чуть заметный шёпот лёгкого ветерка, слегка освежив лица терпящим бедствие гореморякам, и тут же растаял.

– Ох, как хорошо, – облегчённо выдохнул Андрей, – Ну ещё бы дунул немного!

– Потерпи, Андрюха, скоро он тебе доставит это удовольствие, дунет столько, что некуда будет девать. Давай, прибивай их по одной, а я буду держать, – торопливо и с натугой проговорил он, с трудом переводя дыхание, – так же как с той стороны.

Над океаном снова раздались тяжёлые удары обуха топора и скрип вворачиваемых в дерево саморезов. Огромная чёрная туча закрыла собой уже полнеба. Ещё немного, и скоро в ней увязнет последний лучик лунного света, а работы было ещё – не початый край. С востока снова подул освежающий ветерок, но затихать уже не думал, даже напротив, начал дуть пока со слабыми, но всё усиливающимися порывами.

Юрий передал Андрею пятую, последнюю боковую верёвку, взял одну длинную и пополз к носу, упираясь дрожащими

от напряжения ногами во все возможные выступы. Тем временем ветер понемногу крепчал, покатые волны, ещё днём бывшие прозрачными и бирюзовыми, теперь стали угрожающе-чёрными, и включённый Андреем фонарь слегка согрел холод в застывших от ужаса душах несчастных друзей.

– Тюбик, как закончишь – сразу ко мне.

Спустя несколько минут Андрей пополз к другу.

– Давай эту крепи, – держа верёвку у самого острия носа катера в неудобной для себя позе, Юрий старался тянуть её из последних сил, рискуя свалиться за борт в любой момент.

– Макарон, у меня всё, пошли назад.

– Не могу. Рук не чувствую, – прошептал тот в ответ.

Андрей, бросив топор на дно катера, вцепившись одной рукой за руль, другой подтянул к себе Юрия, и оба совершенно обессиленные, рухнули на влажные доски, аккурат между сиденьями.

В ту же минуту месяц скрылся за тучей, оставив друзей, отчаянно борющихся за свои жизни почти в абсолютной темноте.

– Всё, не время отдыхать, – прохрипел Юрий, – идём, снимем второй мотор.

– Что, и его за борт?!

– Нет, на дно лодки. Для устойчивости надо чтобы центр тяжести был как можно ниже ватерлинии, так что нечего ему торчать наверху. Да и мешать только будет. К корме нужно привязать ещё одну, последнюю верёвку.

Андрей, довольный тем, что хотя бы этому мотору не светит участь первого, с радостью бросился на помощь другу снимать его. Вдруг он ударил ногу о какое-то препятствие, и тут же где-то внизу обиженно брякнула потревоженная гитара. Андрей нагнулся и, грубо схватив несчастный инструмент за гриф, торопливо запихнул её в открытое зеву носового рундука.

Ветер завывал всё громче, всё дальше и дальше от континента унося маленький катер с двумя испуганными пассажирами на борту. Тут, забираясь на одну из ставших уже высоких волн, катерок несколько задрал нос, отбросив свой экипаж к корме. Носовой канат, приняв на себя тяжесть подводного груза, с глухим хлопанием натянулся. Пропустив под собой волну, катер теперь наклонился носом вниз. Груз под килем переместился вперёд, увлекая за собой последний канат, приготовленный для закрепления на корме. Лёгкую верёвку вырвало из руки Юрия, и она устремилась за борт, грозя привести все усилия мужчин к нулю, ведь тогда не полностью закреплённый груз просто разрушит лодку, а выловить упавший канат в бушующем океане будет просто невозможно. Юрий рванулся вперёд и, сильно ударив ногу о лежащий на полу мотор, чуть не выпрыгнул за борт, поймав конец каната уже у самой воды.

Тяжело переведя дух, держась за мокрые борта и слегка прихрамывая, он поспешил на корму, сжимая в руке свой трофей.

– Давай, Андрюха, крепи его, – он упёрся в пол здоровой ногой, изо всех сил натягивая канат.

Когда он был, наконец-то прикреплён к корме, Юрий устало упал на колени и, не давая себе ни минуты для отдыха, принялся потрошить палатку, путаясь в её огромной плотной ткани.

– Андрюха, посвети, не могу найти её верхний угол, что должен быть над входом палатки, понимаешь, – взмолился он, уже полностью выбившись из сил.

Андрей, не спрашивая, для чего ему понадобилась палатка, быстро перевёл луч фонаря на бесформенную кучу брезента. Отдавая должное изобретательности друга, ведь теперь катер перестал походить на брошенную в воду щепку и, благодаря прочно зафиксированному на канатах грузу, стал более устойчив, он решил не задавать вопросов в такое тяжёлое для них время и, справедливо полагая, что ему скоро всё и так станет понятно, бросился на помощь другу.

Общими усилиями им, правда, не сразу, но всё же довольно быстро удалось найти лицевой верхний угол палатки. Сжав его в руке, Юрий бросился с ним на нос катера.

Свежеющий ветер легко, словно простынь, подхватил тяжёлую ткань и чуть не вырвал её у него из руки.

– Держи!!

Андрей в темноте не видел, что происходит и поймал брезент чисто случайно, взмахнув в воздухе руками. Надёжно прижатая ткань теперь была укрощена.

– Андрюха! – для того, чтобы преодолеть завывание ветра и шипение рассыпающихся под его дуновением гребней волн, теперь приходилось говорить громко, – есть у тебя в катере что-нибудь длинное и не тонущее в воде, ну палки или ещё чего?

– Вёсла деревянные... удочки, лопата... сачок для рыбы...

– Отлично! Вытащи всё это и положи на пол, потом обвяжись верёвкой, возьми топор, его тоже привяжи к руке, железки свои и ползи ко мне.

– ... Две жерди, так, на всякий случай вожу, – всё ещё машинально бормотал тот.

Совершенно не видя в этих, в данный момент, дровах никакого смысла, Андрей всё же, не стал задавать вопросов и стал быстро выполнять команду Юрия, ставшего, по стечению обстоятельств в его глазах, настоящим штормовым капитаном, команды которого следует выполнять, не задумываясь, быстро и чётко.

Юрий тем временем полностью приручил полощущуюся уже под довольно сильным ветром брезентовую палатку и привязал её угол к никелированному крюку на носу катера.

– Я иду, Юр, фонарь брать?

– Оставь его. Начни пока так, на ощупь, потом я присоединюсь к тебе с ним. Вот смотри. Надо этой палаткой полностью закрыть всю лодку, максимально натягивая на неё брезент, прибывая его как можно чаще вдоль борта и не допуская возможности протечки воды между креплениями. По-

нятно? Давай начинай, я скоро вернусь.

– Я понял тебя! Ну, Юрка, ты – голова!

Океанские многотонные волны стали похожими на взбесившиеся чёрные дюны и, казалось, все они друг за другом с жутким остервенением и с холодной неумолимостью надвигаются именно на несчастную лодку, стремясь, во что бы то ни стало, раздавить её своей тяжестью. Но маленькому судёнышку всякий раз каким-то чудом удавалось избежать своей печальной участи, ловко взбираясь им на макушки. Сильный ветер закручивал белые «барашки» на гребнях волн и орошал холодными брызгами уже промозглых и смертельно уставших в неравной борьбе со стихией мореплавателей.

Юрий торопливо связывал приготовленные Андреем предметы друг с другом и, привязав её к длинной верёвке, снова направился на нос, взгромоздив эту охапку себе на плечо. Андрей к тому времени, непрерывно колотя топором, продвинулся не меньше, чем метра на полтора вдоль левого борта. Большая ткань мокрой палатки ему всё же мешала.

Юрий осторожно, что бы ни помешать другу, лёг на нос и, выбросив свою ношу в бушующую воду, стал привязывать конец верёвки к тому же носовому крюку, который теперь был уже закрыт стянутым бечёвкой брезентом.

– Зачем тебе нужны были эти длинные деревяшки? – Не утерпел и всё-таки спросил Андрей, перебивая шум океана.

– Я связал их и выбросил за борт, – невозмутимо ответил

тот, натягивая брезент и облегчая другу работу.

– Как за борт?! Зачем? – Удивление, отчаяние, скорбь читались в его возгласе, и казалось, им не было предела.

– Да не бойся ты, ни куда они не денутся. Привязанные они к носу катера.

– Но зачем? – уже более спокойно спросил Андрей, повернув голову в сторону Юрия.

– Нам нужен плавучий якорь. Понимаешь, любое судно, особенно во время шторма, носом должно быть непременно направлено поперёк волны, иначе она перевернёт его и потопит. Хорошо, если оно управляемо, но у нас нет хода. В таких случаях привязывают что-нибудь плавучее, желательнее побольше и потяжелее, мачту например, и дрейфуют. Привязанное к такому плавучему якорю судно ветром всегда будет направлено кормой вперёд, значит носом к набегающей на него волне, что нам и надо.

Работа Андрея пошла быстрее. С минуту он молча прибавал натянутый Юрием брезент, после чего, пытаясь пересилить рёв океана, прокричал ему:

– Юрка, я так рад, что у меня есть такой друг, как ты. Ты спасаешь мне жизнь. То, что мы сейчас делаем с катером, для меня – тёмный лес. Без тебя бы я точно погиб.

– Не переживай, Тюбик, погибнуть шансов будет навалом. У тебя ещё всё впереди.

Вскоре катер был весь обтянут брезентом, а его экипаж находился внутри и превратился в простой балласт для него,

не имеющий больше возможности повлиять на дальнейший ход событий. Приведя, таким образом, своё маленькое судёнышко к максимально возможной сопротивляемости разбушевавшейся стихии, экипажу в своём спасении оставалось только уповать на Бога.

Лёжа на дне лодки в кромешной тьме, Юрий нащупал возле себя дюралевую трубку из палаточного комплекта и вставил один её конец в оставшийся свободным, беспомощно лежащий на полу задний угол палатки, и полностью натянул брезент, уперев другой конец трубки в дно катера.

Спустя минут десять-пятнадцать лодка на очередной волне не успела преодолеть подъём на неё, как разорванный сильным ветром и разлетевшийся на сотни брызг её гребень с шумом накрыл собой маленький катерок. Мгновение спустя гордое судно, отведя своим брезентовым шатром смертельную для себя угрозу, снова показалось над бушующим океаном под облегчённые, радостные крики его перепуганного экипажа.

Своё первое боевое крещение усовершенствованное судно выдержало с честью.

Глава 8

Шторм

Буря усиливалась. Лёжа в мечущейся по волнам лодке и согревая своими озябшими телами плещущиеся на её дне лужи солёной воды, в крошечной тьме, ударяясь обо всё подряд: то о борта лодки, то об этот пресловутый, воняющий бензином мотор, то друг о друга, порой, теряя в жуткой болтанке ориентацию в пространстве, насмерть перепуганные пассажиры лишь истово молились, зажимая руками уши от ужасного воя бури за бортом, молились и молились, вдруг вспомнив, а может и, придумав новые молитвы, взывали к небесам о пощаде и милости. Воистину, тот не молился, кто не был в море!

В тёмном замкнутом пространстве, когда они не могли видеть поверхности океана и по достоинству оценить ту или иную ситуацию, всё происходящее казалось им совершеннейшим адом. Ведь даже, наткнувшись с закрытыми глазами на какое-нибудь препятствие, нам кажется, что перед нами вдруг возникла непроходимая преграда, и мы ощущаем растерянность и беспомощность перед ней. Что же остаётся им, до смерти перепуганным разбушевавшейся стихией терпящим бедствие горе-морьякам.

Отважно борясь с бурей, их маленькое судёнышко то бес-

конечно долго забиралось вверх по волне, чуть ли не к облакам, то в следующую минуту стремительно и долго несло в бурлящую пропасть. Порой казалось, что они стремительно летят к самому дну океана и нет такой силы, которая сможет вернуть их на поверхность, как их маленький кораблик снова задирает нос, пропуская под собой очередной вал, и всё повторялось сызнова, ритмично и методично изматывая и без того измученных мужчин в этой жуткой болтанке. Волны, рассыпаясь под порывами ветра, обильно орошали своими брызгами упругий брезент, словно, стремясь во что бы то ни стало, порвать его и захлестнуть эту упорную лодчонку, бросившую им, вечным и могучим, свой дерзкий вызов.

Сколько времени прошло с начала шторма, друзья не знали. Ночная мгла по-прежнему властвовала над океаном, и им казалось, что время остановилось, и что больше никогда не кончится эта жуткая ночь, никогда не прекратится эта страшная буря, что даже сам Господь забыл обратить свой всеблагий взор на эту часть Земли, на эту взбесившуюся воду, на этих уже теряющих сознание от усталости, холода и отчаяния людей, не перестающих молить Его о милости и пощаде.

Возможно, что в это же время в той же части океана шло своим курсом ещё хотя бы одно большое судно, и если так оно и было, то полагаю, что ни капитан его, ни его экипаж не испытывали в те минуты ни малейшей тревоги потому, что по меркам моряков, это был вовсе не ураган, даже шторм-

мом его можно было назвать с некоторой натяжкой. Так, просто очень свежий ветер. Полагаю, что даже подвахтенные на его борту спокойно отдыхали в своих привычно раскачивающихся койках, и ни кому из них даже не могло прийти в голову, что в такую всего-то просто испорченную погоду может терпеть бедствие какое-нибудь судно. Но, тем не менее, для почти отчаявшегося экипажа маленькой шлюпки эта «просто плохая погода» явилась вершиной могущества стихии.

Казалось, что не будет конца этой злополучной ночи, и измученные жуткой болтанкой, голодом и жаждой, горе-моряки были уже на грани психологического срыва, как пробивающийся сквозь брезент слабый свет наступающего дня вселил в души мужчин уверенность о скором окончании этой бури. Но разъярённая стихия и не думала униматься, лишь едва ли ни сильнее швыряла несчастную скорлупку по вздыбленному океану. Постепенно становилось светлее, стали отчётливо различимыми детали внутреннего убранства катерка, а вернее сказать, совершеннейшего бардака на его борту. Ветер с невероятной злобой обрушивался на хлопающий уже брезент, грозя сорвать его с упорной шлюпки, мужественно противостоящей грозному океану.

– Макарон, ты живой? – Среди воя бури Юрий с трудом различил слабый дрожащий голос друга.

– Н-не уверен, – ответил он полушутя, – но думаю, что скорее жив, – добавил он уже громче, – потому что чувствую себя так, словно меня всю ночь пинали дюжина крепких пар-

ней.

– Как думаешь, она унимается уже или нет?

– Хотелось бы верить, что да! Но что-то ...

Глухой удар оборвал голос Юрия. Лодку швырнуло резко вверх и чуть влево. Мотор, лежащий посередине лодки, всей своей массой налёг на него, причинив очередное страдание вконец помятому и избитому капитану.

– Нет, Тюбик, – слегка отдышавшись, он напряг связки, – что ни говори, а всё же лучше денёк-другой живым полежать в лодке с помятыми рёбрами, чем всю жизнь лежать мёртвым на дне и рыб кормить.

– Шутишь. Это хорошо. Это хорошо, говорю! Но раз мы ещё живы, то и нам самим поесть бы не мешало. – С этими Андрей пополз к рундуку.

– Назад! Этот мотор, будь он не ладен, до сих пор ещё не разбил борта лодки только потому, что между ним и бортом мы с тобой лежим! А вдруг уползёшь, и его направо бросит? Лежи и терпи. Не вечно же всё это будет продолжаться.

Андрей нехотя вернулся на место. Буря продолжала бить отважное судёнышко, а злополучный мотор – бока его измученного экипажа.

Шторм продолжался весь день. Около полудня Юрию удалось-таки дотянуться до своей фляжки. И, дорожа каждой каплей живительной влаги, лишь медленно утоляя жажду маленькими глотками, мужчины продолжали борьбу со стихией, лелея призрачную надежду на скорое избавление от

этих мук.

Снова наступила ночь. Буря продолжала бить океан с прежней силой. Измученные бессонной ночью, голодом, жаждой, жуткой болтанкой, воем и ударами стихии, мужчины уже давно молчали, обессилевшие, они почти не подавали признаков жизни, лишь изредка постанывая от боли и ненадолго замолкая, забывшись в прерывистом сонном небытии.

Стихия, отчаявшаяся от бесплодных попыток перевернуть и раздавить упорное судёнышко водяными барханами, решила послать ему новое испытание.

Небо словно разверзлось, и сверху на несчастный катерок обрушились тонны пресной воды. Дождь очень скоро перерос в настоящий ливень. Он нещадно хлестал брезент лодки со всех сторон. Порывы ветра то отклоняли его мощные струи, то бросали их с удвоенной силой на несчастное судёнышко, грозя вырвать, уже начинающие ослабевать, крепления его брезентовой крыши. Палатка всю хлопала на ветру как провисший парус.

Юрий подтянул дюралевую трубку, снова создавая натяг брезенту, но было ясно одно: крепление палатки сдаёт и если оно ослабнет ещё немного, – любой сильный порыв ветра сорвёт его, и им не чем будет укрыть лодку от непогоды, а себя защитить от неминуемой гибели.

Как бы не бушевала непогода, как бы не хмурилось серое от вязких туч небо, какой бы густой мглой не крыла землю

ночь, ничего не может продолжаться вечно, и измученные долгой изнуряющей борьбой со стихией, совершенно окочевевшие от холода и сырости, полумёртвые от усталости, друзья увидели, наконец-то, прорывающейся сквозь свинец облаков и зелень брезента слабый лучик утренней зари.

– Андрюха! – Крикнул Юрий, – остались у тебя ещё твои железки? Я постараюсь один удержать этот проклятый мотор, а ты пройдишь вдоль борта, где сможешь, попробуй ещё немного укрепить палатку. По-моему, её скоро сорвёт! Ничего, старина, нам только немного продержаться и всё!

Борьба за живучесть корабля продолжалась. Друзья, совершенно вымотанные долгой бурей, уставшие и измождённые, голодные, не имеющие больше возможности утолить свою жажду, продолжали уже из последних сил бороться за свою жизнь, ничего не имея противопоставить разбушевавшейся стихии кроме своего мужества.

Глава 9

Вкус жизни

То ли пасуя перед этим мужеством, то ли потеряв свою власть над океаном с первыми лучами поднимающегося на востоке светила, то ли просто израсходовав свою силу в бесполезном гневе, буря стала медленно стихать. А может, просто наши моряки уже начали потихоньку привыкать к её свирепому нраву и просто устали её бояться, воодушевлённые началом нового дня.

– Андрюха, тебе не кажется, что всё это начинает стихать? – Крикнул Юрий, медленно оглядывая пространство внутри палатки.

– Не знаю, Юрок. Но мне кажется, что ещё не много, и для меня станут безразличны и эта треклятая погода, и эта лодка, и наше спасение, если оно вообще случится, да и все земные проблемы.

– Эй, Тюбик, ты что, помирать собрался? Раньше надо было. Открой глаза, смотри – рассвет!

Только минуту спустя он снова услышал голос Андрея:

– Ну и духота!

– Ещё бы! Мы уже вторые сутки дышим одним и тем же воздухом вперемишку с этим бензином, будь он не ладен! Правда, я думаю, что свежий воздух где-то всё же проходит,

а то мы давно бы задохнулись.

– По-моему, это случится уже скоро. Как в подводной лодке: если не хочешь задохнуться, открой её, тогда только потонешь. (Юрий в ответ невесело ухмыльнулся)

Время шло. В лодке становилось всё светлее. Волны действительно были уже не такими как ночью, и ливень превратился в простой дождь, который бессильно ронял свои мелкие капли на покатуую крышу потрёпанного маленького судёнышка.

Начинался третий день злключенияй. Дождь прекратился вовсе, и вскоре в брезент лодки ударил первый солнечный луч.

– Юрка, кажется, ура! А? Выжили, – почти по слогам тихо, дрожа от холода, произнёс Андрей.

– Пока да. Но если мы не откроем наш намертво прибитый шатёр, то он станет нам саркофагом. Во время шторма ветер задувал нам под ослабевшие крепления свежий воздух, а теперь он стих, и если мы сейчас же не откроем его, то очень скоро твоя лодка станет «Летучим голландцем», – тяжело дыша и зябко поеживаясь, медленно ответил Юрий, с трудом поднимаясь на ослабевших локтях.

Все силы без остатка были отданы прошедшей борьбе, и двое друзей, почти задыхаясь от нехватки кислорода, непослушными, окоченевшими от холода руками принялись отрывать глубоко сидящие в мокром деревянном планши-

ре² скобы, совсем недавно спасавшие их жизни в неравной схватке со стихией. Ничего не выходит. Юрий в порыве отчаяния замахнулся отвёрткой, грозя разорвать ею плотную ткань палатки.

– Юрка, стой! – Взмолился Андрей, – А вдруг снова буря, что делать будем?

Весомый аргумент спас палатку от гибели, а сердце её хозяина от разрыва. Ломая ногти и раздирая кожу пальцев в кровь, общими усилиями им всё-таки удалось вырвать две соседние скобы, и маленькая струйка слабого, но живительного, чистого, прохладного утреннего ветерка ворвалась в тесное душное пространство маленького кораблика, возвращая к жизни его измученный экипаж.

С каждым глотком свежего воздуха силы всё быстрее возвращались к повеселевшим друзьям. Они подняли заднюю часть брезентовой крыши своего катера, устало и облегчённо плюхнулись на его жёсткие сиденья. Вскоре поднявшееся на востоке Солнце приветствовало своими мягкими лучами героический экипаж гордого корабля, своим теплом лаская им холодные небритые мокрые щёки.

На небе всё ещё медленно проплывали, погоняемые с юго-востока уже слабым ветерком тёмные тучи, но на восточном горизонте уже виднелась полоска голубого неба. Солнце поднялось над облаками, спрятав в их густом покрывале свои рыжие усы, снова погрузив океан в лёгкую сумеречную мглу.

² Планшир – верхний брус борта шлюпки или фальшборта корабля

Но опасность была уже позади. Тяжёлые волны медленно и величаво уже без той былой угрозы качали маленькое судёнышко, словно полностью потеряв к нему всякий интерес, наигравшись им вволю.

– Тюбик, не пора ли нам чуток пообедать, а то я сейчас начну грызть борта твоей лодки.

– Ещё бы не пора! Почти двое суток ничего не ели. – С готовностью подхватил тот, – айда барбекю пожарим, а то мясо скоро протухнет. Жалко будет выбросить его рыбам.

– Во! Правильно! Топор у тебя есть, сейчас нарубим лодку на дрова и справим прекрасный завтрак, – съязвил Юрий.

– Зачем лодку на дрова? У меня уголь специальный есть...

– Какой уголь, ты что, в лес со своим углём поехал?! – Юрий не поверил своим ушам. – Что, в лесу дров нельзя было найти? Ну, вы америкосы ещё долго будете удивлять мир своей дуростью! Да что б я когда-нибудь подумал о переезде в твою Америку! Пусть у меня сначала мозги отсохнут. Вот так же как у тебя... Да ладно, старик, не обижайся, – он дружески обнял Андрея за плечо, практически засунув его себе подмышку, – не сухие у тебя мозги, не сухие, а очень даже мокрые и просолённые, как и всё на тебе, – и, не убирая руки с его плеча, весело рассмеялся, разглядывая своего друга, мокрого и взъерошенного. – Так что ты там про барбекю говорил? – примирительно спросил Юрий, желая как-то смягчить неловкую шутку.

Андрей нырнул в свой бездонный носовой трюм и, ба-

лансируя на качающейся лодке, бережно достал маленький круглый мангал, бумажный куль с углём и кастрюлю. Открыв крышку, он блаженно прикрыл глаза, жадно втягивая ноздрями чарующий аромат маринованного перчёного мяса.

– Тюбик, не томи! – пришла очередь взмолиться Юрию.

Приготовления вдвое рук прошли на редкость быстро, и вскоре над седым океаном впервые за его долгую историю поднялся чарующий, щекочущий ноздри голодных мореплавателей неповторимый запах жареного в горячем дыму, пропитанного соком лука и белым вином уже слегка подрумянившегося мяса. Для друзей уже ничего не существовало: ни угрюмых волн от горизонта до горизонта, ни тёмных, медленно убегающих на северо-запад серых туч, ни свежих воспоминаний о прошедшей буре, было лишь затмившее собой всё на свете и разыгравшееся в сладостном аромате желанного блюда чувство звериного голода.

Спустя некоторое время над маленькой, затерянной в огромном океане лодочкой белые разрозненные облака торопливо бежали вдогонку ушедшим за горизонт серым тучам, открывая уставшим морякам маленькие лоскутки бездонной голубизны высокого неба. Прорывающиеся между ними лучи Солнца весёлым блеском играли в бирюзовых волнах, щекоча ресницы сытых друзей, а те, отдыхая на удобных сиденьях, лишь блаженно нежились в его тёплом дыхании, окончательно прогоняя поселившиеся, было, в их душах страх и уныние.

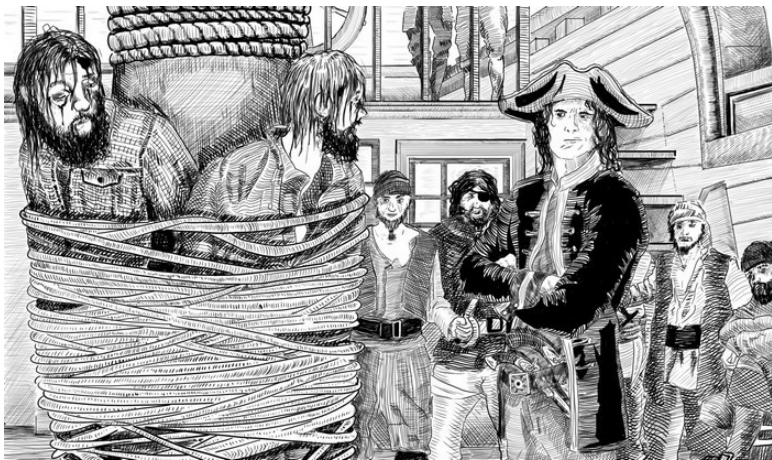
Бессонные ночи и тяжёлая эмоциональная нагрузка сморили уставших моряков, и они, согреваемые утренним Солнцем, обдуваемые лёгким бризом, впервые за долгое время, почувствовав себя вне опасности и, сидя в маленьких креслицах, уснули безмятежным сном в немыслимых позах, иногда тихонько ударяясь о различные выступы своих жёстких угловатых спальных лож.

Глава 10

Водный мир

Солнце было уже высоко, небо почти полностью очистилось от облаков, начинался жаркий тропический день. Ветра почти не было. Друзья, не успевшие, как следует, отдохнуть, проснулись под горячим дыханием огромного светила. Даже волны притихли под строгим взглядом поднимающегося огненного шара, лишь медленно и опасливо выгибали свои покатые спины и лениво покачивали маленькую лодку с двумя случайными гостями старого океана на борту.

Друзья перебрались под навес и снова попытались уснуть, но сон уже не шёл. Юрий достал из рундука сигареты, закурил, молча привстал над брезентовым шатром и огляделся. Вокруг от горизонта до горизонта ничего не привлекло его внимания, лишь волны, одни только волны окружали маленькую утлую лодчонку, словно, в целом мире вдруг исчезло всё в одночасье кроме этого бесчисленного множества вечно шевелящихся холмов. Даже на огромном голубом куполе неба он не смог увидеть ни единого следа самолёта, этих вездесущих летающих странников.

Наблюдения за этими бесконечными просторами ещё долгое время будут единственным развлечением попавших в беду друзей, и ещё долгое время ничего не будет ласкать их взор на всём обозримом пространстве огромного водного мира, лишь ровная полоска далёкого горизонта, да волны, то серые и колючие, то бирюзовые и мирные, весело поблёскивающие на Солнце, как сегодня.

Он устало опустился в жёсткое кресло и сказал:

– Да, Андрюха, к сожалению, мы с тобой не можем плавать как рыбы, мы жители земной тверди, и если нас не вынесет к суше, то отдадим Богу души от жажды и голода прямо в этой лодке. Воды, я заметил, у нас мало. Еды тоже не очень.

– Да, я же воду взял всего галлон, только на первое время,

так... руки помыть. Ведь на том островке есть источник...

– В литрах это сколько? Брось ты свои американские штучки! Галлоны, мили, дюймы, фаренгейты ... Нормально сказать не можешь?

– Четыре литра... с половиной.

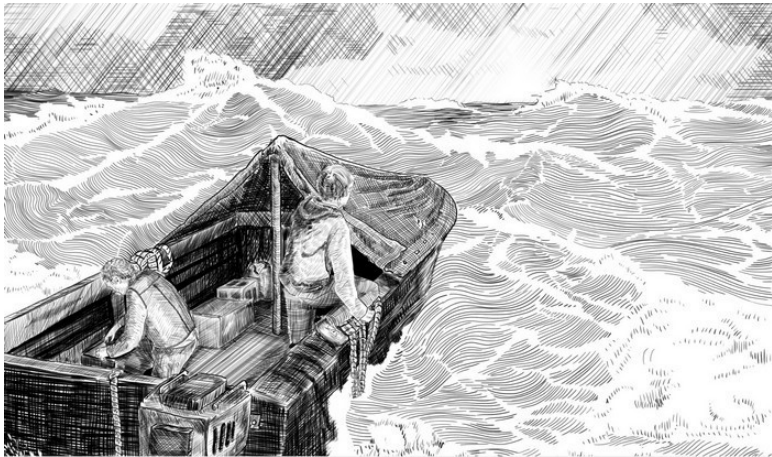
– Та-ак. А еды на сколько хватит, как думаешь?

– Дня на три-четыре, но в этой жаре если начнёт всё портиться, то и того меньше. Для начала съедим всё мясное.

– Ну что ж, – после не долгого раздумья продолжил Юрий, – жить нам осталось дней пять при строгой диете и жёсткой экономии воды. Взять её будет не откуда, а вот с едой чуть попроще, ведь под нами многие тонны рыбы.

– Да, кстати, надо удочки из воды достать.

– Да, сейчас достанем. И вообще, надо всю нашу лодку осмотреть, пока силы есть. Не дай Бог снова такую погоду. Давай, Тюбик, осмотри палатку и поправь, что не так. Я погляжу, что с бензином, ведь ход нам всё-таки нужен.

Солнце уже не припекало, а жарило как в гриле. Его лучи не успевали прогревать воду океана и отражались от её поверхности, создавая настоящее пекло для Андрея и Юрия. Несчастные мореплаватели чувствовали себя как на раскалённой сковородке под крышечкой, а безжалостное ярило только поднималось к своему зениту, превратившись для них из долгожданного спасителя в жестокого палача.

Тем не менее, друзья понимали, что нытьё и стенания не спасут их от того бедственного положения, которое было им уготовано судьбой, и старались как можно тщательнее скрыть друг от друга ту степень отчаяния, которая металась в их воспалённом мозгу.

– Нашёл! – с кормы вдруг раздался радостный голос

Юрия, – вот с бензонасоса топливная трубка соскочила. Можешь смело уволить своего бездельника механика. Тут даже хомутика никакого нет.

– И из-за такой малости мы всё это терпим! – С досадой ответил Андрей, на мгновение прекратив подбивать ослабевшие крепления брезентовой крыши.

– Что поделаешь, Тюбик, – рассеянно отозвался Юрий, теперь придирчиво проверяя на прочность верёвки, держащие под килем такой важный для судна груз. – Да, и вот эти три каната подбей тоже, хорошо? – И, осторожно ступая по качающемуся полу, направился на нос вылавливать ставший пока не нужным плавучий якорь.

На маленьком жизненном пространстве для двух крепких мужчин занятий было мало, но в работе время бежит быстрее, и друзья, не сговариваясь, старались использовать любую минуту с пользой, лишь бы хоть как-то занять себя. Но вскоре закончилось всё, к чему можно было приложить руки, и потянулись долгие часы вынужденного безделья. Солнце уже клонилось к закату, друзьям ничего не оставалось, как коротать время в томной дрёме, прячась от зноя под душным брезентом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.